

ПРОЕКТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕНСИОНАЛА И ЭКСТЕНСИОНАЛА ИМЕНИ

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, грант НШ-5887.2008.6 на поддержку ведущей научной школы «Томская онтологическая школа».

Эксплицируется проективный характер значения имени. Демонстрируется, что тематизация проективности значения устраняет ряд трудностей, с которыми сталкивается дескриптивная и каузальная теории значения.

Ключевые слова: значение; имя; проективность; интенционал; экстенционал; недоопределенность; доопределение.

Темой данной статьи является значение имени (как индивидуального, так и общего); при этом значение мы понимаем как единство интенционала и экстенционала (т.е. вопреки некоторым терминологическим конвенциям мы не отождествляем значение с интенционалом и, соответственно, не противопоставляем его экстенционалу). Мы попытаемся обосновать тезис о проективном характере значения, который предполагает: а) *недоопределенность* значения (как в экстенциональном, так и в интенциональном аспектах); б) наличие *равноценных* альтернативных возможностей его доопределения. «Равноценность» здесь означает случайность выбора одной из возможностей доопределения, т.е. его непредзаданность; иначе говоря, ни одна из разнообразных возможностей доопределения значения не является «привилегированной» – более обоснованной, чем другие. Этот тезис можно сформулировать и в онтологических терминах: выбор и последующее конвенциональное утверждение одной из возможностей доопределения значения конституирует его референцию – именуемый объект или класс объектов. В качестве механизма проективного доопределения значения будет рассмотрено взаимодействие интенционала и экстенционала. Предлагаемая трактовка значения может рассматриваться как ответ на трудности, с которыми сталкиваются семантические концепции, игнорирующие взаимодействие интенционала и экстенционала, – дескриптивная и каузальная теории значения.

Восходящая к Аристотелю дескриптивная трактовка соотношения интенционала и экстенционала состоит в том, что *экстенционал зависит от интенционала*, поскольку принадлежность объекта к экстенционалу имени зависит от того, обладает ли данный объект всеми характеристиками, указанными в его определении (является ли Жучка собакой зависит от того, как мы определяем понятие «собака»). Однако это привычное представление приводит к ряду контринтуитивных следствий, обусловленных, во-первых, исторической изменчивостью наших знаний, т.е., в частности, интенционалов имен (Архимед поднимал золото как «желтый металл, имеющий такую-то плотность», а современный химик определяет золото как определенный химический элемент, т.е. по его атомарной структуре), и, во-вторых, холистическим характером знания, означающим, что изменение некоторой теории оказывает (более или менее непосредственное и более или менее значительное) влияние на весь комплекс содержательно связанных с ней теорий/представлений, а тем самым и на большое количество интенционалов. Т.е. любое сколько-

нибудь значительное изменение нашего знания преформатирует всю систему значений языка, лишая его какой-либо преэминентности.

В самом деле легко себе представить, что Архимед, используя свои критерии (цвет и плотность), мог принять за золото некий сплав, который современные знания (в патнэмовском примере – об электропроводности) позволяют от золота отличить. Если так, то фактически здесь речь идет о двух разных именах – «золото для греков» и «золото для нас», которые различаются как по содержанию, так и по объему. Контринтуитивное следствие этого тезиса состоит в том, что такая изменчивость значений делает неадекватным перевод греческого «chrysus» словом «золото»; более того, историческая изменчивость и контекстуальность наших знаний делают несоизмеримыми не только, например, русский и немецкий языки или русский повседневный язык и русскоязычную химическую терминологию, но и русский язык XIX в. и русский язык XX в.!

В качестве альтернативы радикальному контекстуалистскому релятивизму рассмотрим каузальную теорию значения Х. Патнэма, главной новацией которой является тезис о *независимости экстенционала от интенционала*, обусловленной индексикальным компонентом значения [1. С. 181–188]. Тезис состоит в том, что экстенционал имени определяется не дефиницией (знаниями об объекте и т.п.), но прямым указанием на объект, который становится *образцом* данного вида («жестким десигнатором»). Например, значение имени «вода» определяется, по Патнэму, не дескрипцией типа «вода – это бесцветная жидкость, хорошо утоляющая жажду, текущая в реках и т.д.», но порцией воды, взятой за образец: индексикальное определение «воды» звучит так: «вода – это жидкость, по своей природе идентичная данному образцу (например, содержимому вот этого стакана)».

Достоинство этой концепции состоит в том, что она позволяет сохранить историческую преэминентность значения (слово «золото» в XVII в. имело то же значение, что и сегодня, поскольку отсылало к тем же самым образцам) и синхроническую соизмеримость языков, т.е. устраняет радикальный контекстуалистский релятивизм. Но она также имеет контринтуитивное следствие, состоящее в том, что значения наших терминов оказываются совершенно независимы от наших знаний об их референтах. В самом деле эта трактовка значения делает возможной ситуацию, когда два агента речи используют слово «Х» в одном и том же интенциональном значении (дают предмету Х одно и то же определение), но слово «Х» в их устах отсылает к разным по своей

природе образцам и, соответственно, имеет разные экстенсионалы, хотя сами агенты могут об этом не знать.

Патнэм иллюстрирует эту мысль посредством знаменитой фантазии на тему «Двойника Земли» [1. С. 174–175]. Допустим, что существует планета, идентичная Земле во всем, кроме одного пункта: на ней вместо воды в реках и водопроводах течет жидкость с иной молекулярной структурой (XYZ вместо H₂O). На Двойнике Земли люди (наши двойники) говорят на языках, в точности совпадающих с нашими языками; жидкость XYZ, которая там называется водой, при нормальных условиях по своим внешним свойствам неотличима от воды (H₂O): она прозрачна, бесцветна, хорошо утоляет жажду, растворяет соль и сахар и т.п. Словом, землянин, оказавшись на Двойнике Земли, мог бы подумать, что оказался дома. Но различие между водой₁ и водой₂ (обозначим так H₂O и XYZ) обуславливает различие значений слов «вода₁» и «вода₂» (т.е. слова «вода» в устах землянина и обитателя Двойника Земли). Различие обусловлено индексикальным компонентом значения: тем обстоятельством, что слова «вода₁» и «вода₂» отсылают к разным образцам. В силу совпадения «жизненно-мировых» свойств воды₁ и воды₂ путешественник-землянин, гостящий у своего двойника, не заметит различия в значениях соответствующих слов (или, если угодно, омонимичности слова «вода» как общего для обеих планет). Можно допустить, что эксперт-химик, случись ему исследовать образцы обеих жидкостей, обнаружил бы различие между водой₁ и водой₂, а вместе с тем и семантическое различие между соответствующими словами. Однако – и в этом состоит нетривиальный пункт патнэмовского рассуждения – слова «вода₁» и «вода₂» имели разные значения даже до появления атомистической теории строения вещества в научных сообществах обеих планет (т.е. даже в XVIII в.), несмотря на то, что в то время ни один эксперт не смог бы этого различия обнаружить! Жидкость в озере Мичиган₁ «объективно» (независимо от того, знаем ли мы об этом) отличается от жидкости в озере Мичиган₂ (предположим, что содержимое этих озер является образцом для соответствующих имен), – и это отличие обуславливает столь же «объективное» различие экстенсионалов слов «вода₁» и «вода₂», имевшее место уже тогда, когда носители языка не могли об этом даже догадываться.

По нашему мнению, эта концепция может быть подвергнута критике как минимум в следующих пунктах:

1. Неправомерной представляется абсолютизация независимости экстенсионала, т.е. тезис, согласно которому значения слов «вода₁» и «вода₂» различались уже до появления атомистической теории вещества (т.е. до появления возможности обнаружить или хотя бы предположить различие между H₂O и XYZ). Слабость аргументации Патнэма связана с тем, что в индексикальном определении имени экстенсионал задается посредством понятия *тождества*: тот или иной объект относится к экстенсионалу имени, если мы отождествляем его с образцом, и не относится, если мы отличаем его от образца. Однако отождествление и различение всегда проводятся по определенным *основаниям*: для того, чтобы понятие тождества выполняло

функцию формирования экстенсионала, оно всякий раз требует конкретизации, предполагающей различие *существенных и несущественных свойств*. Действительно, любой тигр чем-то отличается от эталонного (расположением полосок на шкуре, возрастом, характером...), поэтому для того, чтобы экстенсионал имени «тигр» включал в себя больше одной особи, от этих различий необходимо абстрагироваться как от несущественных. С другой стороны, индексикальное определение тигра предполагает ряд существенных признаков (плотоядность, полосатая шкура...), поэтому в полном виде оно звучит так: X – это предметы, тождественные данному образцу по признакам a, b, c... Но в таком случае оно ничем не отличается от обычного дескриптивного определения, не включающего в себя указание на «жесткий десигнатор»: «X – это предметы, обладающие признаками a, b, c...». В своем примере с водой Патнэм в качестве существенного признака вещества рассматривает молекулярную структуру; тогда индексикальное определение «всякое вещество, тождественное данному образцу по молекулярной структуре» вполне эквивалентно дескриптивному определению «всякое вещество, имеющее молекулярную структуру H₂O».

Если так, то тезис Патнэма, согласно которому термины «вода₁» и «вода₂» имели разные экстенсионалы *уже до появления молекулярной теории*, неверен, поскольку, по условиям его мысленного эксперимента, все остальные свойства воды₁ и воды₂, которые могли бы выступать в качестве *оснований отождествления/различения*, совпадают. Иначе говоря, до 1750 г. это слово в устах землянина, так и его двойника имело *третье* значение, сформировавшееся без учета молекулярной структуры, причем экстенсионал слова «вода₂» включал в себя как воду₁, так и воду₂, и трансформация значения этого имени после 1750 г. была обусловлена изменением наших знаний о воде, т.е. трансформацией *интенционала*. Здесь, таким образом, обнаруживается, что интенционал представляет собой не что-то вроде эфемерного дополнения к экстенсионалу, но фактор, делающий экстенсионал возможным и оказывающий на него определенное воздействие.

2. Натурализация значения дополняется у Патнэма тезисом, согласно которому развитие научного знания имеет характер прогрессивного и кумулятивного раскрытия сущности вещей «самих по себе» – своего рода идеей предустановленной гармонии между наукой и природой. В этом смысле показателен еще один фантастический сюжет, с помощью которого Патнэм иллюстрирует тезис, согласно которому индексикальный характер значения обеспечивает его историческую неизменность. В этом сюжете современный химик с помощью машины времени встречается с Архимедом, и между ними обнаруживается расхождение относительно экстенсионала данного понятия, поскольку Архимед считает, а наш современник *не* считает золотом некоторый сплав X. Архимед в качестве критериев «бытия золотом» использует цвет и плотность вещества; современный химик – также электропроводность. В этом споре Патнэм принимает сторону современного эксперта: металл X – не золото. На это можно было бы возразить, что Архимед использовал другое понятие золота, с другим интенционалом и, соответственно,

экстенционалом, т.е. что он все-таки был «по-своему» прав. Фактически это возражение сводится к тому, что термин «золото» не является единым для нас и древних греков, что за одним словом (или за двумя словами, которые греко-русский словарь представляет как эквиваленты) скрываются разные значения. Как уже было отмечено, Патнэм отвергает это возражение как контринтуитивное, постулируя самотождественность экстенционала термина «золото», т.е. полагая, что современный химик и Архимед говорят об одном и том же. Если мы принимаем этот постулат, то нам необходимо ответить на вопрос: кто из наших диспутантов ошибается (т.е. является ли металл X золотом)? Напрашивающийся релятивистский ответ гласит: с точки зрения Архимеда неправ современный химик; с точки зрения последнего – наоборот. Патнэм, однако, постулирует нерелятивистское решение этой дилеммы: «Но кому решать, что он (Архимед. – Е.Б.) был неправ? Очевидный ответ: нам (имеющим в своем распоряжении сегодня более совершенную теорию)» [1. С. 190]. Итак, все дело в том, что мы имеем более совершенные знания о золоте, нежели знания греков. В свете главной интенции семантики Патнэма – преодоления контекстуалистского релятивизма – постулирование прогресса научного знания является необходимым дополнением к натурализованному понятию значения, поскольку лишь оба эти допущения вместе обеспечивают антирелятивистский эффект: признание единства значения в историческом времени и пространстве и возможность выявления истины в случае столкновения альтернативных мнений.

Однако это второе допущение не только представляется сомнительным с точки зрения истории науки, но и приводит к абсурдному выводу, что мы *не знаем* значений слов просто потому, что не знаем результатов, которые наука получит в будущем относительно соответствующих объектов. Архимед не знал таких «существенных» свойств золота, как атомарная структура или электропроводность и, следовательно, мог ошибаться относительно экстенционала этого имени, но ведь и мы находимся в таком же положении по отношению к химии будущего. Метафизический характер патнэмовского «реализма» оказывается чрезвычайно затратным средством против семантического релятивизма, поскольку обуславливает, по выражению Д. Дэвидсона, принципиально не-эпистемичный характер значения [2. С. 140], т.е. жесткий разрыв между: 1) значением и мнением (единым экстенционалом и множеством возможных дескрипций), т.е. языком и носителем языка; 2) природой и знанием (гармония между которыми обеспечивается, к счастью, благосклонным, но абсолютно неподконтрольным «*deus ex machina*»). В попытке отстоять историческую преемственность языка Патнэм делает язык внеисторическим и, тем самым, трансцендентным по отношению к историческому человечеству.

На наш взгляд, семантическая дилемма «дескриптивизм/натурализм» устраняется благодаря тематизации проективного характера значения – единства интенционала и экстенционала, которые, будучи всегда недоопределенными, конкретизируются (доопределяются) во взаимодействии. В этой концепции, которую можно рассматривать как синтез каузальной и дескриптивной

теорий, учитываются следующие компоненты значения: 1) экстенционал; 2) остенсивно выделенная часть экстенционала – ряд конвенционально утвержденных образцов; 3) интенционал. Эксплицируем сформулированные во вводной части аспекты проективности – недоопределенность значения и наличие альтернативных возможностей его доопределения.

Как показал У. Куайн, недоопределенность имеет место уже в указании на единичный объект, который – в сочетании с тем или иным интенционалом – может стать образцом для соответствующего вида, т.е. эталонным экземпляром экстенционала. Тезис Куайна состоит в том, что при указании на объект мы выделяем в нем некоторый фрагмент, оставляя открытыми его пространственно-временные границы [3. С. 67–68]. Указывая на реку Кестр, говорит Куайн, мы указываем лишь на определенную точку ее русла в определенное время, и для того, чтобы наш слушатель понял значение этого имени, необходим *ряд* указаний, в которых полагаются тождество и различие между соответствующими точками: «это тоже Кестр», «и это Кестр», «а это уже не Кестр» и т.п. Принимая к сведению эти указания (и отождествления/различения), наш слушатель достраивает целостный образ объекта, но, поскольку полное остенсивное определение его пространственно-временных границ невозможно, для такого достраивания (доопределения) всегда существует множество альтернативных путей. (Конечно, здесь следует учесть также недоопределенность самой остенсии.) Например, ряд указаний на реку Обь в нижнем течении оставляет открытыми следующие возможности доопределения этого имени:

- можно считать, что Обь начинается в месте слияния Катунь и Бии;
- можно считать Катунь верхним участком Оби, а Бию – ее притоком;
- можно, напротив, постулировать, что Бия является верхним участком Оби, а Катунь – притоком.

Как мы знаем, первой из этих возможностей повезло получить конвенциональное утверждение в географическом сообществе, но это решение не было предзадано в каком бы то ни было смысле: оно является результатом случайного выбора.

Тезис Куайна о недоопределенности референции индивидуальных имен можно распространить на экстенционал и интенционал общих имен: значение имени «красное» определяется указанием на ряд примеров красного, которые: 1) выбираются более или менее произвольно; 2) оставляют открытым вопрос о полном спектре оттенков красного, о границе между красным и оранжевым и т.п. От остенсивного определения ряда образцов, в свою очередь, зависит формирование дескрипции (интенционала), а значит, и формирование соответствующего класса (экстенционала). Это обстоятельство представляется особенно очевидным при рассмотрении экстенционалов более абстрактных понятий, таких как «метафора», «аналитическая философия» и т.п.: известное разнообразие определений этих понятий в значительной мере зависит от объектов, принимаемых тем или иным автором за образцы.

Доопределение всех компонентов значения осуществляется посредством разнообразных механизмов, из

которых отметим те, в которых обнаруживается взаимодействие интенционала и экстенционала:

1) в ходе развития науки и повседневного знания обнаруживаются новые свойства конвенционально утвержденных образцов, что приводит к трансформации интенционала имени;

2) поскольку интенционал необходимым образом участвует в формировании экстенционала имени, его трансформация оказывает влияние на последний, что приводит к принятию новых образцов и реформатированию классов (конечно, доопределение значения может осуществляться и в иных формах; в частности, Н. Гудмен рассматривает метафорическую речь как один из механизмов реформатирования системы экстенционалов: «буквальный смысл слова классифицирует объекты, а метафора осуществляет их новую классификацию» [4. С. 199]).

По нашему мнению, представленная трактовка значения позволяет понять историческую преемственность значения и синхроническую соизмеримость языков как обусловленную непрерывностью взаимодействия между его индексикальным и интенциональным компонентами.

В качестве постскриптума отметим, что Х. Патнэм в определенной мере тематизирует открытость значения в рамках своей «социолингвистической гипотезы» [1. С. 179–181]. Гипотеза состоит в том, что для употребления слова необязательно быть экспертом в соответствующей области; например, для того, чтобы правильно использовать слово «золото», необязательно уметь отличать золото от подделок, т.е. владеть крите-

риями и методами его идентификации: при необходимости носитель языка, владеющий словом «золото», может обратиться к специалисту. Поскольку критерии и методы идентификации предмета формируют его экстенционал, можно утверждать, что только эксперты владеют значением слова в полной (или наиболее полной для данного сообщества) мере. Однако для того, чтобы быть полноценным обладателем языковой компетенции, достаточно более скудных сведений о предмете. Иначе говоря, Патнэм различает три вида значения: 1) значение, известное экспертам; 2) значение, известное, большинству людей (используя феноменологическую терминологию, его можно было бы назвать повседневным, или жизненно-мировым); 3) цельное «общественное значение» как единство (1) и (2) – обязательно воплощенное в языковой компетенции отдельного индивида. Мало кто из нас, говорит Патнэм, способен отличить алюминий от молибдена или бук от вяза, но это не мешает нам осмысленно использовать эти термины. В этой гипотезе нам представляется продуктивным тезис о возможности «полноценного» употребления слова с открытым (недоопределенным) значением. Но развернутая здесь критика натурализованного понятия экстенционала позволяет – при сохранении тезиса о «разделении лингвистического труда» между экспертами и профанами – внести в эту гипотезу существенную поправку: экспертное значение тоже не является абсолютным достижением и не направляется к таковому телеологически, но представляет собой контингентный открытый проект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. *Философия сознания*. М., 1999. С. 164–235.
2. Davidson D. A Coherence Theory of Truth and Knowledge // Davidson D. *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford, 2001. P. 137–153.
3. Куайн У.В.О. Тожество, остенсия и гипостазирование // Куайн У.В.О. *С точки зрения логики*. 9 логико-философских очерков. Томск, 2003. С. 65–78.
4. Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 194–200.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 30 декабря 2008 г.